

УДК 81-112.4

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества»

¹Прокофьева Н.А., ²Щеглова Е.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;

² Институт лингвистических исследований РАН,
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
E-mail: n.prokofieva@spbu.ru; e.scheglova@spbu.ru

Аннотация. Год юбилея Петра I проходит под знаком большого внимания к персоне первого российского императора. Это предопределяет разносторонний интерес к образу Петра Великого, в том числе в аспекте его создания и мифологизации в периодических изданиях, начиная с XVIII века. Несмотря на неспадающий интерес к персоне Петра Великого, особенности репрезентации его образа в географических изданиях не попадали в сферу внимания исследователей. А в то же время географические издания как часть общего публицистического дискурса представляют необыкновенный интерес как периодические издания, в которых освещается неочевидная, но значимая в политическом отношении грань деятельности правителя. В связи с этим целью данного исследования является анализ речевой репрезентации образа Петра I в географических изданиях XIX века. Для проведения анализа был выбран лингвистический аспект, соединяющий в себе интенционально-стилистический анализ и диахронический метод исследования. Результатом такого анализа стало формирование представления о неизвестной грани образа первого российского императора, выделены основные коммуникативные векторы создания образа Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества», описаны способы речевой репрезентации образа первого лица государства в периодике XIX века, а также проанализирована специфика формирования положительнооценочных значений. В целом можно сказать, что новым представляется как сам материал, так и системный подход к его описанию и обобщению.

Ключевые слова: образ правителя, миф о Петре Первом, речевая репрезентация образа, положительнооценочная лексика, географическая периодика, Русское географическое общество

Для цитирования: Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. 2023. Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества». Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 43–54. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

The Image of Peter the Great in “News of the Emperor’s Russian Geographic Society”

¹Natalia A. Prokofieva, ²Ekaterina A. Shcheglova

¹ Saint-Petersburg State University,
7–9 Universitetskaia naberezhnaia, Saint-Petersburg 199034, Russia;

²Institute for Linguistic Studies, RAS,
9 Tuchkov pereulok, Saint-Petersburg 199053, Russia;
Saint-Petersburg State University,
7–9 Universitetskaia naberezhnaia, Saint-Petersburg 199034, Russia
E-mail: n.prokofieva@spbu.ru; e.scheglova@spbu.ru

Abstract. The year of Peter I's jubilee is accompanied with great attention to the person of the first Russian Emperor. This encourages diverse interest to the image of Peter the Great, including its creation

and mythologization in mass media from the XVIIIth century. Despite the regular interest to the person of Peter the Great, peculiarities of his image representation in geographical media were not in the focus of researchers' attention. But at the same time geographical media as a part of general publicist discourse are of special interest as periodical media which highlight unobvious but politically significant aspect of the ruler's activity. So, the purpose of this research is the analysis of speech representation of Peter I's image in geographical media in the XIXth century. We selected the linguostylistic aspect for the analysis which includes intentional stylistic analysis and diachronic method of the research. The result of such an analysis is the formation of understanding for the unknown aspect of the first Russian Emperor's image. The article outlines the main communicative vectors of creating Peter I's image in "News of the Emperor's Russian Geographic Society": the relation of descendants to Peter the Great, personal qualities of the Emperor, his actions and deeds. Within the analysis the authors described the methods of speech representation for the image of the first person in mass media of the XIXth century. The authors paid special attention to the specifics of forming positively assessing meanings. On the whole we may say that we consider both the material and the system approach to its description and generalization as innovative.

Keywords: the ruler's image, the myth about Peter the Great, the speech image representation, positively assessing vocabulary, geographical periodicals, the Russian Geographic Society

For citation: Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. 2023. The Image of Peter the Great in "News of the Emperor's Russian Geographic Society". Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 43–54 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

Введение. Петр Первый: миф и реальность

История как наука всегда предполагает допущения: невозможно судить непредвзято о происходящем здесь и сейчас, а по прошествии времени многое забывается, утрачивается и становится сложно восстановить ход исторических событий. Именно поэтому возникает такое множество интерпретаций, характеризующих эпоху, отдельные события или личность правителя. Образ правителя всегда далёк от образа реального человека, несшего на своих плечах груз ответственности за целое государство (о законах формирования портретов политиков см. [Руженцева, 2019]). Он создаётся из впечатлений современников, подчас отрывочных сведений о поступках и деяниях, шлейфа слухов и зачастую переплетается со своими литературными двойниками (например, о региональном аспекте темы сохранения памяти о Петре см. [Пашков, 2022]). Вследствие этого появляется приукрашенный, окутанный мифами и легендами образ властителя, которому придаются те черты, которые хотелось бы в нём видеть в текущий момент. И многие исторические персоны в разные эпохи по-разному трактуются – в зависимости от значимых политических настроений. В этом смысле достаточно вспомнить образ Ивана Грозного, Александра III, Николая II, лидеров советского времени. В зависимости от эпохи их то возносили на пьедестал уважения, то низвергали в бездну презрения, и это своеобразное отражение ментальности русского человека, для которого нет оттенков, а есть только чёрное и белое (ср. «Не приведи бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» («Капитанская дочка» (1836) А. С. Пушкина)).

Наверное, в России старых и новых времён были только два правителя, образ которых преимущественно оставался положительным – Александр Невский и Пётр I (даже несмотря на отдельные неоднозначные, а подчас и мрачные эпизоды в жизни каждого). Это правители-реформаторы, правители-новаторы, защитники интересов народа и отечества, образ которых и есть воплощение русского духа. В юбилейный год для Петра I невозможно обойти вниманием особенности создания его образа в сознании русского человека. Представляется возможным рассмотреть эту тему в непривычном ракурсе – в интерпретации географических изданий XIX века. Оказывается, и такие, казалось бы, далёкие от политизированности издания работали на создание главного мифа российской истории.

Выбор для анализа образа Петра I не случаен: наверное, нет другого правителя, с которым было бы связано такое количество легенд и слухов, причём не только в русской

картине мира, но и в картине мира народов, земли которых граничат с территорией России. Это очень важно, потому что выводит образ русского правителя на мировой уровень (существуют работы, которые демонстрируют, что образ Петра присутствует в размышлениях о России в самых разных национальных культурах: например, о социокультурной адаптации образа в Японии [Щепкин, 2021, 2022]) и показывает небезосновательность возникших представлений. Обратимся к тем составляющим, которые определяют образ Петра I в сознании его народа.

Образ Петра Великого в периодике XVIII и XIX вв.

Пётр I в фольклоре получает образ градостроителя, реформатора, провидца, первооткрывателя, основателя морского могущества России, отца русского народа и др. Все эти характеристики закладываются ещё при жизни царя, но в полной мере развиваются посмертно. С течением времени прижизненные поступки первого русского императора переосмысляются и приобретают особый вес в представлении последующих поколений. Все его деяния приобретают логическую определённость, под них подводится осмысленная база. Мысли и поступки царя интерпретируются и выстраиваются в логически выверенную последовательность, что в совокупности и создаёт во многом идеализированный образ Петра I.

Такой образ Петра I складывался в течение многих лет и был результатом целенаправленной работы сподвижников, проповедников, публицистов, писателей и поэтов (о проявлении мифа о Петере в поэзии см. работы Т.Е. Абрамзон [2006, 2007а, 2007б]). Большая часть текстов о Петре имела панегирический характер, поскольку сами реформы, создание российского флота, победы в военных кампаниях не могли не восхищать. Безусловно, методы, к которым прибегал самодержец, осуждались, что получило воплощение в анти-образе антихриста, имевшего хождение в среде старообрядцев, но результаты реформ, умение вырвать Россию из небытия и на долгие годы задать вектор развития государства не вызывали сомнения у последующих поколений, что закрепило за образом Петра I преимущественно положительные черты (о направлениях мифологизации [Мезин, 1984; Петр I в русской..., 2006; Конанова, 2008; Он весь..., 2022]). Поэтому последующие императоры оценивались как продолжатели политики Петра.

Следует отметить, что миф вокруг имени императора создавался в повременных изданиях, то есть печать впервые в России выступила как один из ключевых источников мифологизации. Конечно, в первую очередь это были «Ведомости» (о репрезентации Петра в «Ведомостях» см. [Малышев, 2021а]), созданные и развивавшиеся в пропагандистских целях. Но вслед за «Ведомостями» эстафету подхватывают и издания последующих эпох, в частности и издания Императорского Русского географического общества (ИРГО).

Нужно учитывать, что деятельность ИРГО, утверждённого в 1845 г. высочайшим указом Николая I, не ограничивалась исключительно научными целями, но всегда была непосредственно связана с внутри- и внешнеполитическими интересами Российской Империи [Павлов, 2010]. Общий рост национального самосознания, пришедший на середину XIX века, вызвал целый ряд сопутствующих процессов: развитие интереса к слову (развитие словарного дела, сбор областных слов и выражений), возрастающее внимание к фольклорной традиции и в том числе обращение к собственным историческим корням. Как следствие, миф о Петре Первом обрастает новыми деталями, оттачиваются ключевые смысловые доминанты. Очевидно, если учитывать специфику деятельности общества, что на все эти тенденции не могут не реагировать «Записки Русского Императорского общества» (далее ЗИРГО). Так, заслугам первого императора посвящена статья в двух частях известного российского естествоиспытателя, основателя эмбриологии, академика К.М. Бэра «Заслуги Петра Великого по-части распространения географических познаний о России и пограничных с нею землях Азии», опубликованная в двух номерах ЗИРГО [Бэр, 1849, 1850].

Образ Петра формируется как образ царя, умеющего предвидеть и предугадывать события, знающего обо всём и умеющего всё. Его образ близок к образу бога. Сам по себе образ божественной царской власти характерен для русской культуры, но при Петре он впервые переосмысливается: с выходом на первый план светской культуры в противовес культуре церковной изменяются приоритеты, и божественность теперь воспринимается как проявление разума. Именно поэтому Пётр Первый мыслится (и так последовательно создаётся его образ в периодике) как человек, наделённый божественным разумом, и потому способный сделать всё – построить город на топком болоте, создать с нуля флот и победоносную армию, вырвать целый народ из тьмы невежества, укрепить государственность (ср. три этапа эстетической легитимации власти в концепции А.Ю. Дорского [2013]). И всё это возможно благодаря интересам Петра в самых разных сферах; не становится исключением и география (напрямую связанная с интересом Петра к мореходству). Романтический образ царя-морехода, царя-судостроителя, царя-бунтаря даёт начало и образу царя-первооткрывателя. Расширение горизонтов – залог упрочения роли государства на мировой арене, и именно такую задачу ставит перед собой Пётр Великий.

Во многом эпоха Петра стала продолжением эпохи Великих географических открытий. На тот момент на карте ещё очень много белых пятен, и долгом мудрого правителя было расширение географических познаний и инициирование открытия новых земель. Первая половина XVIII века характеризуется целой чередой географических открытий, ставших результатом экспедиций в Сибирь, на берега Каспийского моря, в степи южного Приуралья. Вдохновителем и организатором этих экспедиций был Пётр I. Исследователи подчёркивают, что при этом он руководствуется не только научными интересами, но государственной необходимостью. Основной целью всех этих географических экспедиций было выяснение положения молодого государства на международной арене, закрепление территориальных и экономических выгод [Вернадский, 1988]. Успехи предпринятых экспедиций получали отражение на страницах научно-популярного издания «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764 гг.) [Готовцева, 2008]. Была заложена традиция сообщать о результатах освоения географических территорий как о важных научных достижениях, выявляя глубокие взаимосвязи с культурой, жизнью общества и политической историей России.

Именно это традиция, на наш взгляд, и была продолжена в статьях о роли Петра I в приращении географического знания, опубликованных столетие спустя в ЗИРГО. Сохранение традиции можно увидеть в глубине проработки исторического фона, сопутствующего экспедициям, установлении взаимосвязей вновь полученных результатов с уже имеющимися сведениями о территориях, детальной демонстрации культурно-исторического значения полученных в ходе экспедиций сведений.

Следует отметить общее преобладание в текстах тональности восхваления личности первого императора, восхищения его гением, проявившем себя и на этом поприще. Пётр I показывается как истинный вдохновитель такого важного для государства дела, как освоение прилегающих к границам государства территорий. Обратим внимание, что эта тональность сохраняется на протяжении всего изложения. Неудачи отчасти нивелируются. Так, экспедиции на побережье Каспийского моря, призванные воплотить «имперскую идею» Петра I, реализовать его желание найти путь в Индию и далее для прямой торговли. Конечно, ничему из этого не суждено было сбыться: изначальный план натолкнулся на неточность географических познаний того времени, походы проходили тяжело, были сопряжены со значительными человеческими и материальными потерями [Анисимов, 1989, с. 413–432]. Не отрицая трудностей, возникших на пути первооткрывателей, автор материала в ЗИРГО делает акцент на гении Петра I, видящего необходимость освоения региона (в середине XIX века Каспий – зона реализации ближайших внешнеполитических интересов Российской Империи) и осознающего неточность имеющихся географических сведений о нём.

Речевая репрезентация образа Петра в «Записках Императорского Русского географического общества»

В первую очередь следует отметить, что материалы ЗИРГО появляются сто лет спустя по завершении всех событий, к которым обращается автор, то есть на момент создания анализируемого материала проходит достаточное количество времени, позволяющее оценить фигуру императора и осознать его вклад в становление российской государственности и определение её роли в общем миропорядке. Это ретроспективный взгляд, который предполагает подведение итогов, определение общей оценки деятельности Петра. Неслучайно в связи с этим наблюдается сознательное подчёркивание титулования Петра (о традиции номинации царствующих особ [Малышев, 2021б]): *Великий царь, Великий монарх* [Бэр, 1849, с. 222]. Отдельного упоминания достойно и то, что слово *великий* в представленных материалах употребляется не столько как прозвище царя (Пётр I Великий), а как положительнооценочное прилагательное, в результате чего подтверждается заслуженность этого титула и его полнота. Представляется, что *великий* становится ключевым словом в представленных публикациях (ср.: *цель всегда была велика* [Бэр, 1849, с. 218]), а всё остальное лишь развитие и дополнение основной цели создать ещё одну грань образа великого императора. В данном случае – в сфере географического знания.

По нашим наблюдениям, формирование образа Петра I в материалах ЗИРГО развивается по трём основным коммуникативным векторам: 1) отношение потомков к деятельности императора, 2) личные качества Петра Великого, 3) его конкретные дела и поступки. В ходе анализа мы предполагаем рассмотреть каждый из этих векторов, выделив основные средства репрезентации образа Петра I в географическом издании.

1) Отношение потомков к деятельности Петра I.

Главное чувство, которое должна вызывать деятельность Петра I как инициатора географических открытий, – это **благодарность**. Признание заслуг императора предлагается воспринимать как необходимый долг потомков. Именно с выражения благодарности начинается статья: *Благодарность обязывает Русское Географическое Общество привести на память заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний* [Бэр, 1849, с. 217]. Это начало переключается с заголовком статьи (упоминание заслуг, обозначение их характера и области знаний и т.п.). Вместе заголовок и начало публикации задают комплиментарный тон всему материалу.

Помимо благодарности, ещё одно чувство должны испытывать потомки – это **чувство гордости**, ведь, с одной стороны, можно гордиться величием некогда правившего монарха, рождённого Русской землёй, с другой – гордиться причастностью к этим великим поступкам и возможностью воплотить в жизнь идеи почившего императора: *...мысли Великого Императора были большею частью так обширны, что могли быть приведены вполнѣ въ исполненіе только потомствомъ* [Бэр, 1849, с. 253]. Подобные смысловые коллизии создают общее ощущение преемственности, целенаправленного исторического развития, движения к лучшему, т. е. глобально способствует росту национальной гордости и национального самосознания. В этих фрагментах текста преимущественно используется косвенно положительнооценочная лексика (в частности здесь: *обширны*): без прямо обозначенной оценки и при внешней объективности изложения автор стремится к созданию общего положительного впечатления о герое публикации и солидаризации аудитории и автора, аудитории и героя статьи (о законах формирования оценки [Маркелова, 2013]).

2) Личные качества Петра I.

Репрезентации личных качеств Петра Великого уделено наибольшее внимание в материалах ЗИРГО. Первопричиной всех успехов в области освоения земель автор так или иначе видит личность великого императора. Можно выделить несколько основных смысловых доминант текстов, касающихся личностной характеристики Петра I.

Прежде всего это **провидческие способности** императора. Его разум позволяет ему видеть дальше, чем другим, просчитывать пути достижения отдалённых целей, важных с точки зрения построения государственности, но не понятных обывателю. Способность предвидеть – важная черта государственного лидера. Автор может заявлять прямо с помощью оценочных средств о наличии этой черты у Петра I: *Идеи, руководившія его при назначеніи ученыхъ экспедицій, носят на себѣ печать величія и прозорливости: гениальный взоръ его провидѣл плоды ихъ в отдалённой будущности* [Бэр, 1849, с. 217]. В сочетании имплицитно (*прозорливость* мыслится как положительное качество, но при этом является безоценочной в языковом плане единицей) и эксплицитно выраженной оценки (устойчивое сочетание *печать величія* и положительнооценочное прилагательное *гениальный* однозначно демонстрируют преклонение автора перед героем публикации) срабатывает общий коммуникативный эффект создания образа безупречного императора. Поэтому даже условные неудачи Петра подаются как опережающие своё время идеи.

Та же мысль проводится через сравнения образа мысли предшественников и современников и Петра Великого как носителя особого разума: *Если вспомнить какую цѣну въ то время придавали владѣнію золотосною или среброносною землею, и какъ поздно дознали, что богатства лишь тамъ сосредочиваются, гдѣ развита разнообразная дѣятельность, – съ удовольствіемъ... что великій Государь гораздо меньше заботился о золотѣ, нежели объ обезпеченіи промышленности и торговли* [Бэр, 1850, с. 268]. Подчёркивается, что мысль Петра I намного опережала своё время, обеспечивая таким образом укрепление государства не только для современников, но и для потомков. Особенно отмечается отсутствие у царя стремления к наживе, что всегда было ценностью русской картины мира. Расстановка акцентов происходит благодаря противопоставлению *золота* как метафорического обозначения личного богатства и *обеспечения промышленности и торговли*, которые мыслятся как государственная задача. В этом аспекте любопытно снисходительное отношение самого Петра к сподвижникам, наживавшимся на его нестяжательстве: если задачи государственные решались эффективно, то позволительно было и до известных пределов доходившее корыстолюбие (ср. многочисленные исторические свидетельства отношения Петра I к предприимчивому на благо своего кармана А.Д. Меншикову).

Нужно отметить особую роль темпоративов в подобных контекстах: *Петръ и въ то уже время признавалъ для Русскихъ возможность ходить моремъ в Индію, хотя они могли отправляться только изъ Бѣлаго и Азовскаго морей, ибо путь по Балтійскому-Морю не былъ еще имъ открытъ* [Бэр, 1850, с. 281]. Провидчество, предвосхищение будущего подчёркивается обилием частиц (здесь усилительная частица *уже*, относящаяся к указательному местоимению *то*). Темпоративы работают на уже упомянутый эффект контраста, с помощью которого противопоставляется эпоха Петра I и современный автору XIX век как эпоха преобладающего невежества и эпоха (относительного?) понимания мысли великого императора. Противопоставление *то* и *наше* (о времени) типично для толкования исторической канвы в любой сфере, тем важнее подчеркнуть, что Пётр значительно опережал современников, предвидя необходимые для укрепления государства шаги. Частицы же укрупняют это значение в тексте, не называя прямо превосходство Петра, но расставляя необходимые автору акценты.

Восхищение перед императором как провидцем имеет в материалах ЗИРГО ещё одно оценочное преломление. Значимой для автора частью образа Петра Первого является его первенство во многих сферах жизни, глобально он – **зачинатель**, первый во всём. Это его свойство всё время подчёркивается в аспекте значимости действий, которые Петр предпринимает, в том числе в области географических открытий. При этом акцент делается на автономности России как государства, способного обеспечить собственные потребности, что косвенно или напрямую обеспечивается деятельностью императора: *При Петрѣ явились первыя изготовленныя въ самой Россіи карты отдѣльныхъ частей госу-*

дарства [Бэр, 1849, с. 220]. Ключевыми словами в этих фрагментах текста становятся слова, указывающие на открытие (*первый, первая, впервые* и проч.), а также притяжательные и определительные прилагательные, указывающие на локализованность действия или события, территориальную ограниченность. Если в других контекстах это, возможно, было бы скорее недостатком, чем достоинством взаимодействия России с остальным миром, то в географических изысканиях, когда ещё многие области не открыты и разворачивается борьба за освоение земель, умение изготавливать географические карты становится настоящим значимым достижением [Голубинский, 2020].

Точно так же подчёркивается **личное участие Петра в организации экспедиций** и стремление к обобщению полученного опыта и применению его в новых разработках: *По окончанию ея [экспедиции по Каспию], Петръ велѣлъ къ картѣ, основанной на послѣдней съемкѣ, присовокупить и съемку восточнаго берега, сдѣланную Бековичем, Кожинымъ и (Травинымъ). Такъ возникла первая, на точныхъ данныхъ основанная карта Каспійскаго-Моря* [Бэр, 1850, с. 277]. Мало того, что Петр Великий представлен как зачинатель всех великих дел своей эпохи, ему также приписываются способности удерживать в мыслях все достижения и консолидировать разнонаправленные усилия современников (подданных). Он вырисовывается как масштабнейшая личность своего времени, благодаря тому, что умеет найти применение любым, пусть даже порой незначительным открытиям и находкам. Это свойство не только великого ума, но и одаренного руководителя. Поэтому косвенно – через описание действий Петра в деле первооткрывателей – формируется главный образ великого правителя великой империи.

Продолжением образа провидца и зачинателя становится ещё одна грань личности Петра. Он репрезентируется в тексте как **преобразователь** [Бэр, 1849, с. 220]. Реформы всех областей жизни общества – это знамя, под которым прошла вся Петровская эпоха, и подтверждением тому становятся в том числе и решения, принятые Петром в области географических экспедиций: *...Князь на пятомъ переходѣ отъ устьевъ Эмбы достигнуть былъ Высочайшимъ повелѣніемъ отправить черезъ Персію въ Индію всѣ возможныя свѣдѣнія о лежащихъ на пути его странахъ, преимущественно о золотыхъ розсыпяхъ, и затѣмъ возвратиться черезъ Китай и Бухарію. Такимъ-образомъ, едва не явился у насъ второй Марко-Поло. Половинныя мѣры не были дѣломъ Петра* [Бэр, 1850, с. 275]. Обратим внимание на выделенный в примере фрагмент: это своеобразный лейтмотив, который определяет деятельность Петра, становится основным принципом правления. Неслучайно само высказывание звучит подобно лозунгу. В создании положительнооценочного по содержанию высказывания использован всё тот же приём обращения к имплицитному способу выражения оценки через косвеннооценочную лексику. Значение «доводить дело до логического конца» является безусловно положительной характеристикой человека в общем и правителя в частности.

Для потомков важна была идея **самостоятельности императора** в принятии решений. В реформах Петра хотели видеть не подражание Европе и простую гонку за уже имеющимися там достижениями, но свободу и независимость мысли. Узкая географическая тематика не даёт в полной мере развернуть эту мысль, однако даже в описании деталей организации экспедиции она прослеживается: *Вообще исторія географическихъ экспедицій при Петрѣ доказываетъ, что руководившая его при этомъ мысль была его собственная* [Бэр, 1849, с. 218]. Субъективные местоимения задают необходимую модальную рамку высказывания: отправление географической экспедиции – личное дело российского императора, который не просто отдаёт распоряжения, но в полной мере владеет ситуацией во всей её полноте, осознаёт все ближайшие и отдалённые последствия своих действий, несёт за них персональную ответственность.

Автор и в этом случае прибегает к прямой характеристике личности Петра, используя положительнооценочную лексику или становящуюся таковой в контексте: *человѣкъ съ характеромъ вполне самостоятельнымъ мало способенъ дѣйствовать по внушеніямъ*

других [Бэр, 1849, с. 218]. Здесь следует обратить внимание также на порядок слов (инверсию определения), который позволяет сделать необходимый акцент на характеристике императора (*самостоятельный*) без избыточных хвалебных высказываний, что способствует формированию объемного образа Петра Великого и сохранению сдержанной манеры изложения научно ориентированного издания.

При той ответственности, которую берёт на себя император, очевидно, что следующим штрихом его портрета должна стать **целеустремлённость**, способность довести до конца любое дело: *Не въ духъ Петра было оставлять однажды задуманные планы безъ исполненія* [Бэр, 1849, с. 236]. Высказывание строится через отрицание таким образом, что информация о неспособности Петра оставлять планы нереализованным должна быть в пресуппозиции читателя.

3) Дела и поступки Петра I.

Характеристика дел и поступков Петра Великого вытекает из характеристики его личности. Самостоятельность правителя в принятии и выполнении решений всегда высоко ценилась, а в отношении Петра I (царя-ремесленника) это стало особенно значимо. Напомним, важной составной частью мифа о Петре является его желание любое дело освоить самому (судостроение, военное дело и т.п.). **Личная вовлечённость** императора делает любое начинание более оправданным, в большей степени имеющим основание для его воплощения. Ключевым здесь становится местоимение *сам*, приобретающее в контексте, как и многие другие средства, положительную окраску: *Инструкціи писалъ онъ очень часто самъ, иногда даже на походъ* [Бэр, 1849, с. 218]. Всячески подчёркивается деятельность императора, который не гнушается самой чёрной работой. И это тоже становится положительной характеристикой государя, потому что это проявление сокращения дистанции между правителем и подданными.

Интересны фрагменты, в которых описываются личные встречи императора с участниками экспедиций. Он не просто отдаёт приказы, но **разъясняет цели**, причины и последствия в ходе непосредственного общения: *Петръ самъ непосредственно пригласилъ для этой цели доктора Мессреимидта. ... Въ данной ему инструкціи заключались слѣдующія отрасли знанія: 1) географія, 2) естественная исторія во всемъ ея объемъ, 3) медицина (*Materia medica*) и въ особенности эпидемическія болѣзни, 4) описаніе Сибирскихъ народовъ и изслѣдованіе ихъ языковъ, 5) памятники и другія древности, и 6) вообще что встрѣтитя замѣчательного* [Бэр, 1849, с. 221]. Эта возможность личного общения царя и подданных, главнокомандующего и солдат всегда глубоко ценится в русской национальной традиции и является составной частью мифа «о хорошем начальнике». Отметим усиление значения причастности Петра к решению насущных вопросов экспедиции через оценочное наречие *непосредственно* в постпозиции по отношению к определительному местоимению *сам*. Такая инверсия позволяет расставить в тексте акценты, дважды выделить непосредственное участие Петра в планировании и реализации собственных инициатив и **заинтересованность в людях**, исполняющих его замыслы.

Узость темы заставляет автора обращаться к не самым значительным деталям экспедиций, но каждая такая деталь обращается дополнительным штрихом к портрету государя, работающего во благо России и её народа: *Бековичу поручено было, сдѣлавъ въ Казани предварительныя распоряженія для хивинскаго похода, отправится въ Кабарду и тамъ дѣйствовать въ пользу Россіи; о чемъ и данъ указъ Сенату 21 мая 1714 года, съ корабля Св. Екатерина, при Березовыхъ- Островахъ. Мы упомянули объ этомъ неважномъ обстоятельстве, чтобы доказать до какой степени Петръ лично распоряжался подобными предприятиями, и даже въ путешествіяхъ и походахъ употреблять на то свободныя минуты* [Бэр, 1850, с. 270]. Наречие *лично* логически выделяется при помощи инверсии, оно подчёркивает значимую для автора особенность отношения Петра к инициированным географическим исследованиям в условиях постоянных военных походов и иных предприятий. Каждая деталь: исключительная занятость, личная вовлечённость во все начина-

ния, постоянная **забота о благе государства и народа** – воспринимаются как эталонные качества идеального государя. По сути, рядовой материал ЗИРГО оказывается осмыслением облика Петра I как идеального правителя, способного найти время для самых незначительных мелочей, которые в совокупности дают превосходный результат.

Подтверждением этого становится резонанс петровских начинаний в последующие эпохи: *Как наша Китайская торговля и теперь еще производится на основании трактата 1727 года, а самый трактатъ предначертанъ Петромъ, то можно сказать без преувеличенія, что наша теперешняя торговля съ Китаемъ основана единственно стараниями Петра...* [Бэр, 1849, с. 231]. Пётр Великий становится фигурой, объединяющей прошлое и будущее России, заложившей фундамент её нынешнего величия и дальнейшего процветания.

Заключение

Ценность предложенного к рассмотрению материала ЗИРГО как источника изучения лингвистической основы мифа о Петре I определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, мы имеем дело с продолжением традиции описания достижений первого императора в приращении научного знания (научно-популярные издания петровской и послепетровской эпохи). Во-вторых, имеют значение особенности самого журнала: это официальный печатный орган РГО, издаваемый для освещения деятельности последнего, а значит, отражающий интересы государственной политики. В-третьих, исторические материалы не являлись спецификой ЗИРГО, это узкоспециализированное издание, а следовательно, демонстрация личности Петра Великого может происходить только в аспекте географических изысканий его эпохи. Большое, как известно, видится в малом, и подобного рода материалы могут продемонстрировать ключевые позиции лингвистической основы формирования образа в преломлении под нужды специализированного издания.

Среди языковых средств, участвующих в репрезентации личности Петра I, в первую очередь следует указать на ресурсы формирования положительной оценки – имплицитно или эксплицитно. При этом доля положительнооценочной лексики, прямо выражающей восхищение автора перед личностью Петра, сравнительно невелика. Автор преимущественно сдержан в выражении собственной оценки. Однако роль положительнооценочных средств берёт на себя лексика, приобретающая коннотацию положительной оценки в контексте (о сохранении культурного кода в коннотации [Коурова, 2006]). Так, даже прилагательное *великий*, традиционно используемое в качестве прозвища с именем императора, в этих контекстах становится средством выражения оценки – актуализируются изначальные положительнооценочные коннотации привычного атрибута. Эта умеренность в использовании лексики, прямо выражающей положительную оценку, в сочетании с детальным описанием деяний Петра, когда вторичная положительная оценочность образуется у лексических единиц в контексте употребления, работает на впечатление заслуженности всех оценок, даваемых автором.

Кроме того, важно подчеркнуть, что автор выстраивает положительный образ Петра Великого не на пустом месте. На протяжении всего текста происходит тонкая игра с читательской пресуппозицией. Адресат знаком с мифом о Петре и в той или иной степени испытывает его влияние. Сведения о географических достижениях эпохи Петра ложатся на подготовленную почву и лишь дополняют уже известное – образ идеального правителя-провидца, обладающего всеми необходимыми качествами – целеустремлённостью, самостоятельностью решений, разумом, способным просчитать далёкие последствия собственных действий.

Деяния Петра I в сфере освоения новых территорий полностью укладываются в уже имеющееся в культуре представление о нём как о правителе, который одинаково сведущ во всех областях знаний и практической деятельности.

Список источников

- Бэр К.М. 1849. Заслуги Петра Великого по-части распространения географических познаний о Россіи и пограничных съ нею земляхъ Азіи. Записки Русскаго географическаго общества. Книжка III. Санктпетербургъ, Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. Я. В. Канцеляріи: 217–253.
- Бэр К.М. 1850. Заслуги Петра-Великаго по-части распространения географическихъ познаний о Россіи и пограничныхъ съ нею земляхъ Азіи. Записки Императорскаго Русскаго географическаго общества. Книга IV. Издана подѣ смотрѣніемъ В.В. Григорьева. Санктпетербургъ, въ типографіи Ф. Королькова: 260–283.

Список литературы

- Абрамзон Т.Е. 2006. Миф о Петре I в поэзии М.В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 16-2: 232–240.
- Абрамзон Т.Е. 2007а. Одические амшпау Петра Великого в мифологии власти А.П. Сумарокова. В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов. Том 13. Под ред. Е.И. Анненковой, О.М. Буранок. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена: 122–132.
- Абрамзон Т.Е. 2007б. Память образа и образ памяти о Петре Великом в поэзии Г.Р. Державина. В кн.: Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты. VIII Ручьевские чтения. Сборник материалов Международной научной конференции, Москва, 01 января – 31 декабря 2007 года. Под ред. В.Ф. Романова. М., Магнитогорский государственный университет: 5–10.
- Анисимов Е.В. 1989. Время петровских реформ. Л., Лениздат, 496 с.
- Вернадский В.И. 1988. Очерки по истории естествознания в России середины XVIII столетия. В кн.: Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. Под ред. А.Л. Яншина, С.Р. Микулинского, И.И. Мочалова. М., Наука: 63–201.
- Голубинский А.А. 2020. Образ Петра Великого в отечественной картографии. В кн.: Образ Петра Великого в мировой культуре. Сборник трудов XII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 31 мая – 01 июня 2019 года. СПб., Европейский Дом: 95–106.
- Готовцева А.Г. 2008. Географические открытия первой половины XVIII века и русская журналистика: журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 11: 11–28.
- Дорский А.Ю. 2013. Эстетика власти. СПб., Алетейя, 296 с.
- Конанова Е.И. 2008. Петр I в русском общественном сознании XVIII–первой половине XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 236 с.
- Коурова О.И. 2006. Коннотация как способ хранения культурной информации. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1, 68–73.
- Мальшев А.А. 2021а. Властители мира в петровских «Ведомостях» (1702–1727): стилистика священного и мирского. Медиаскоп, 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2724> (дата обращения: 21.10. 2022).
- Мальшев А.А. 2021б. Грамматика имени собственного в петровских «Ведомостях»: державный и полудержавный властелин. В кн.: Медиалингвистика. Материалы V международной научной конференции. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2021 года. Санкт-Петербург, Издательство ООО "Медиапапир": 54–58.
- Маркелова Т.В. 2013. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М., Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова, 300 с.
- Мезин С.А. 1984. Петр I в русской литературе и общественной мысли. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 277 с.
- «Он весь, как Божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике. 2022. Под ред. О.С. Кругликовой. СПб., Алетейя, 560 с.
- Павлов К.А. 2010. Русское географическое общество: история и современность. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 1: 4–8.

- Пашков А.М. 2022. 200-летний юбилей Петра I в переписке столичных историков и петрозаводских краеведов. *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*, 44(4): 28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765
- Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. 2006. Под ред. С.И. Николаева. СПб., Наука, 450 с.
- Руженцева Н.Б. 2019. Портреты политиков: типология и речевая организация. *Политическая лингвистика*, 5(77): 57–63. DOI: 10.26170/pl19-05-05
- Щепкин В.В. 2021. Россия и Петр I в исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 43(6), 77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659
- Щепкин В.В. 2022. Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 44(4), 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

References

- Abramzon T.E. 2006. Mif o Petre I v poezii M.V. Lomonosova: istoricheskoe i mifologicheskoe v obraze carja-reformatora [The myth of Peter I in the poetry of M.V. Lomonosov: historical and mythological in the image of the reformer tsar]. *Historical, Philological and Cultural Studies*, 16-2: 232–240.
- Abramzon T.E. 2007a. Odicheskie amplua Petra Velikogo v mifologii vlasti A.P. Sumarokova [Odic roles of Peter the Great in the mythology of power A.P. Sumarokov]. In: Problemy izuchenija russkoj literatury HVIII veka [Problems of Studying Russian Literature of the 18th Century]. Interuniversity collection of scientific papers. Vol. 13. Eds. E.I. Annenkova, O.M. Buranok. SPb., Publ. Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena: 122–132.
- Abramzon T.E. 2007b. Pamjat' obraza i obraz pamjati o Petre Velikom v poezii G.R. Derzhavina [The memory of the image and the image of the memory of Peter the Great in the poetry of G.R. Derzhavin]. In: Izmenjajushhasja Rossija v literaturnom diskurse: istoricheskij, teoreticheskij i metodologicheskij aspekty [Changing Russia in Literary Discourse: Historical, Theoretical and Methodological Aspects]. VIII Ruchevisky Readings. Collection of materials of the International Scientific Conference, Moscow, January 01 – December 31, 2007. Ed. V.F. Romanov. M., Publ. Magnitogorskij gosudarstvennyj universitet: 5–10.
- Anisimov E.V. 1989. Vremja petrovskih reform [Time of Peter's reforms]. L., Publ. Lenizdat, 496 p.
- Vernadskij V.I. 1988. Oчерки po istorii estestvoznanija v Rossii serediny XVIII stoletija [Essays on the history of natural science in Russia in the middle of the XVIII century]. In: Vernadskij V.I. Trudy po istorii nauki v Rossii [Proceedings on the history of science in Russia]. Eds. A.L. Janshin, S.R. Mikulinsky, I.I. Mochalov. M., Publ. Nauka: 63–201.
- Golubinskij A.A. 2020. Obraz Petra Velikogo v otechestvennoj kartografii [The image of Peter the Great in domestic cartography]. In: Obraz Petra Velikogo v mirovoj kul'ture [The Image of Peter the Great in World Culture]. Collection of Proceedings of the XII International Peter's Congress, St. Petersburg, May 31 – June 01, 2019. SPb., Publ. Evropejskij Dom: 95–106.
- Gotovceva A.G. 2008. Geographical discoveries of the first half of the 23th century and russian journalism: (monthly writings serving entertainment and enlightenment magazine). RGGU Bulletin. Journalism Literary Criticism Series, 11: 11–28 (in Russia).
- Dorskiy A.Yu. 2013. Estetika vlasti [Aesthetics of power]. SPb., Publ. Aleteyya, 296 p.
- Konanova E.I. 2008. Petr I v russkom obshchestvennom soznanii XVIII – pervoy polovine XIX v.: konstruirovaniye i dekonstruktsiya mifologicheskogo obraza [Peter I in the Russian public consciousness of the 18th – first half of the 19th century: construction and deconstruction of the mythological image]. Dis. ... cand. philol. sciences. Stavropol', 236 p.
- Kourova O.I. 2006. Konnotatsiya kak sposob khraneniya kul'turnoy informatsii [Connotation as a way of storing cultural information]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1: 68–73.
- Malyshev A.A. 2021a. World rulers in Peter's the Great 'Vedomosti' (1702–1727): stylistics of the sacred and profane. *Mediascope*. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2724> (accessed: 21.10. 2022).
- Malyshev A.A. 2021b. Grammar of the proper names in Peter's "Vedomosti": sovereign and semi-sovereign lords. In: *Medialingvistika [Medialinguistics]. Materials of the V international scientific conference. Issue. 8. Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in the coordinates of mass media]*, St. Petersburg, June 30 – July 02, 2021. Sankt-Peterburg, Publ. Mediapapir: 54–58.

- Markelova T.V. 2013. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in Russian]. M., Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati imeni Ivana Fedorova, 300 p.
- Mezin S.A. 1984. Petr I v russkoy literature i obshchestvennoy mysli [Peter I in Russian Literature and Social Thought]. Dis. ... cand. philol. sciences. Saratov, 277 p.
- "On ves', kak Bozhiya groza": obraz Petra I v russkoy dorevolyutsionnoy zhurnalistike ["He is all like God's thunderstorm": the image of Peter I in Russian pre-revolutionary journalism]. 2022. Ed. O.S. Kruglikova. SPb., Publ. Aleteyya, 560 p.
- Pavlov K.A. 2010. Russian Geographic Society: Past and Present. *Service & Tourism: Current Challenges*, 1: 4–8 (in Russia).
- Pashkov A.M. 2022. Two-century anniversary of Peter the great in the correspondence of metropolitan historians and petrozavodsk local historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(4): 28–42 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765
- Petr I v russkoy literature XVIII veka. Teksty i kommentarii [Peter I in Russian literature of the 18th century. Texts and comments]. 2006. Ed. S.I. Nikolaev. SPb., Publ. Nauka, 450 p.
- Ruzhentseva N.B. 2019. Portraits of politicians: typology and verbal organization. *Political Linguistics*, 5(77): 57–63 (in Russia). DOI: 10.26170/pl19-05-05
- Shchepkin V.V. 2021. Russia and peter the great in the historical conception of japanese writer Shiba Ryotaro. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(6): 77–83 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659
- Shchepkin V.V. 2022. The image of Peter the great in Meiji Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(4), 80–89 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11. 2022

Received November 11, 2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Revised February 06, 2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Прокофьева Наталья Анатольевна, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Natalia A. Prokofieva, Associate Professor of the Department of Media Linguistics, Institute "School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Щеглова Екатерина Александровна, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ekaterina A. Shcheglova, Researcher of Institute for Linguistic Studies, RAS, Associate Professor of the Institute "School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia